

18+

ФРАНЦУЗСКИЙ
ТРОФЕЙ
II

ДЖЕКИ БОНАТИ

Джеки Бонати

Французский Трофей

2. После войны

«ЛитРес: Черновики»

2020

Бонати Д.

Французский Трофей 2. После войны / Д. Бонати — «ЛитРес: Черновики», 2020

Княжна Воронцова возвращается с войны, но вместо трофеев привозит разбитое сердце и незаживающие раны. Ее любовь осталась на поле битвы, и теперь она должна научиться жить без нее. Далеко во Франции Этьен оплакивает возлюбленную, которую не успел спасти. Их свела война и разделила мирная жизнь, и только чудо может помочь им понять, что они оба ошибаются.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	14
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Глава 1.

За всеми делами и заботами, прием в честь их возвращения устроили только через месяц. Саша приехал из Петербурга, щеголяя черной повязкой на глазу и орденами. Дамы были от него в восторге. Женя, несмотря на уговоры матери, обычно ходившая в мужском черном костюме – в трауре по Этьену, в парадном мундире смотрелась странно. Без того похожая на больного ворона, теперь она была белым вороном, бледным и отстраненным, с шрамом через лицо, частично скрытым волосами. Она не вальсировала, стояла у стены, тяжело опираясь на трость и пила коньяк, потому что шампанское ассоциировалось у нее с счастьем и безмятежностью, с любовью, а она не чувствовала ровным счетом ничего из этого. Она не хотела быть Женей, она хотела оставаться Костей, так переживать потерю было куда проще, чем притворяться счастливой девушкой.

Но как бы Саша не наслаждался обществом дам, во внимании которых он просто купался, состояние подруги, к тому же, спасшей ему жизнь, было важнее. Поэтому после очередного тура вальса он галантно извинился перед княжной Демидовой и поспешил к Жене.

– Хандришь, друг мой, – Саша обнял ее за плечи и, подхватив с подноса официанта рюмку с коньяком, чокнулся с ней. – А не махнуть ли нам в Европу, на воды? – предложил он, надеясь так отвлечь Женю.

– Чтобы я мог в них утопиться? – поинтересовалась Женя меланхолично, делая глоток коньяка. – Представь, бювет, дамы на утреннем моционе и мое раздувшееся синее тело, – обрисовала она картинку. – Пожалуй, мне даже нравится.

– Костя, ну что ты? – Саша тут же скис, и отвел ее на балкон. – Нельзя же так... нужно жить дальше. Вон Катенька Голицына с тебя глаз не сводит, – несмотря ни на что он пребывал в священной уверенности, что женщины способны излечить ото всех бед, которые от них же, впрочем, и возникают.

– Катеньке Голицыной нужен Константин Воронцов, а я Женя, Саша, – она указала другу на его очевидный промах. – Больно мне. И долго будет больно, и не знаю, что и делать с этим. Каждую ночь его вижу, – призналась она.

– Ох, друг сердечный... – Саша не знал, как ей помочь с этой сердечной болью, и только одно, как и Мише, приходило ему в голову. – Напиши Михайловскому. Тебе нужно вернуться к работе.

– Наверное напишу, – кивнула она согласно. – Только выйдет ли из меня толк – большой вопрос, – вздохнула Женя и обняла друга. – Ты похож на пирата, я говорил?

– Костя, ты был лучшим врачом в нашем лагере, – напомнил ей Саша и хмыкнул. – Ты не говорил, но другие говорили. Дам эта штука очаровывает моментально.

– Никогда не думал, что отсутствие глаза так на тебе скажется, – улыбнулась слабо Женя. – Ты молодец. А я вот похож на огородное пугало.

– Ничего подобного, – Саша покачал головой. – Но тебе не мешало бы поесть по-хорошему. К тому же, если тебя волнует, как ты выглядишь, это хороший признак.

– Я про шрам, – пожалала она плечами. – А есть...аппетита что-то нет, – покачала она головой.

– Этот шрам тебя ничуть не портит, поверь мне. Слышал бы ты, как вздыхают по тебе девицы, ведь ты герой. И должен есть, – хмуро добавил Саша.

– Как объяснить девицам, что они меня не интересуют? И что я их разочарую, – спросила Женя, вздыхая. – Я бы сейчас от стряпни Василия не отказался, – призналась она.

– Так съезди в гости к Андрею Ионычу, – предложил Саша, только лишь вздохом ответив на его слова о девицах.

Что-то ему подсказывало, что и мужчины, способного оживить сердце подруги, больше нет.

– Вот так просто заявиться среди ночи, перепугав его почтенное семейство? – хмыкнула Женя. – Я еще не настолько пьян.

– А я и не говорю, что надо сделать это сейчас, – покачал головой Саша. – А вот завтра же мы с Мишелем отвезем тебя к нему. Даже если придется тащить тебя силой.

– Хорошо. Я понял. Надо возвращаться в зал, пока твои дамочки с ума не походили, оставшись в одиночестве, – сказала Женя. – Идем-идем.

Вообще-то, Саша с легкостью пожертвовал бы дамочками ради подруги, но держать ее затворницей не хотел.

– Все-таки пригласи княжну, – шепнул он.

– Саша, я с тростью, куда мне, – ответила она. – Я отдавлю ей все ноги, споткнусь об платье и повалю еще десяток других пар.

– Ты за свою трость держисься, как за щит, – вздохнул Саша, припоминая ему из рассказов Михайловского, в каком состоянии он рвался работать после атак.

– Ни к чему позориться, Саша. Не последний бал в жизни, – ответила она. Проводив друга в зал, она снова вернулась к отцу, послушать его беседы со старыми друзьями.

Евгений Дмитриевич ободряюще ей улыбнулся, хотя и его мысли были заняты тем, как отвлечь дочь, но идеи у них с Мишей иссякли.

На утро, хоть и разошлись все поздно, Миша и Саша бесцеремонно пришли будить Женю. Они собирались в гости к Андрею Ионычу и возражения не принимались. Жене только осталось сдаться и покорно начать собираться.

Экипаж уже был заложен, так что Жене дали только привести себя в приличный вид и позавтракать перед дорогой, чего настоятельно требовали ее маман и пожилая горничная Дуняша, растившая молодую барышню с младенчества.

Женя, чтобы не расстраивать их, покорно ела, правда без особого аппетита. К тому же она не выспалась, измученная кошмарами и намеревалась поспать в экипаже.

Перед отъездом матушка попыталась было переубедить Женю ехать в мужском платье, но Евгений Дмитриевич перекрыл ее голос своим, надеясь, что эта поездка пойдет дочери на пользу, не важно, в каком она виде, и, благословив их, проводил до экипажа.

Ехать было недалеко, усадьба Михайловских была в пригороде, полчаса езды. Но Женя успела подремать и чувствовала себя лучше.

Встречать их вышел камердинер, а услышав, кто приехал, тут же кинулся к барину докладывать, и Андрей Ионович выбежал сам встречать дорогих гостей.

– Андрей Ионыч, – улыбнулась Женя, выходя из экипажа и расцеловывая врача. – Мы как снег на голову, простите уж.

– Господь с тобой, Костенька! – Михайловский кинулся обнимать ее, по привычке называя старым именем. – Я всегда рад тебя видеть. Проходите, проходите в дом, – позвал он.

– Как вы тут поживаете? – спросила Женя, прихрамывая за ним, и цокая тростью. – А Василий где?

– Сейчас-сейчас, кинулся на кухню, распоряжения отдавать, – рассмеялся врач, провозжая их в гостиную. – Присаживайтесь, сейчас с семьей вас познакомлю, – пообещал он и кликнул горничную, чтобы собрала всех.

Женя присела, давая отдых ноге и улыбалась старому другу. Тут ей по-настоящему стало полегче, и она с удовольствием познакомилась с женой и дочерьми хирурга. Миша и Саша цвели и пахли, словно они были девицами на выданье, а не дочки Михайловского.

Впрочем, и Варвара с Анастасией были совершенно очарованы гостями, да и Михайловский, чего уж скрывать, с удовольствием породнился с любым из этих юношей.

Супруга врача тоже оказалась дамой исключительно приятной, хотя и из древнего рода, но очень простой в общении.

А вскоре появился и Василий, который чуть ли не со слезами на глазах приветствовал гостей.

Женя крепко обняла Василия, ощутив, что и у нее глаза защипало.

– Боже, как я скучал по вам всем, – вздохнула Женя.

– И мы скучали, барин, – Василий шмыгнул носом и отошел, чтобы не мешать общаться.

– Ну как ты живешь, Костя, как здоровье? – спросил Михайловский.

Женя неопределенно пожала плечами.

– С рукой все хорошо, нога тоже лучше, но еще побаливает. Пробовал верхом проехаться, так потом судорогой свело, что думал с ума сойду. Так что больше пока не рискую.

– Верхом пока рановато, но гулять надо, – ответил Михайловский, покачав головой.

Ему ли не знать, что такая травма должна была уже оставить после себя только дискомфорт, и все упиралось в желание Жени выздороветь.

– Знаю, Андрей Ионыч, знаю, – кивнула он. – Бог даст, все наладится.

– Костя, ты врач! Тут не только на Бога надо уповать, – вздохнул он и посерьезнел. – Ну, а когда к работе-то вернешься? Мне ассистент хорошей нужен, а не желторотики после училища.

– Вернусь, обещаю, – кивнула ему Женя. – Мне уже и самому без работы тошно, – пообещала она.

– Вот и не тяни, – кивнул Михайловский, мельком отмечая, как посматривают друг на друга Миша и Анастасия.

– Тогда может через две недели? – предложила Женя. – Нога будет получше.

– Хорошо. Только не затягивай, – попросил Михайловский. – Работы сейчас много, война кончилась, а раненые остались.

– Обещаю, две недели крайний срок, Андрей Ионыч, – сказала она. – Буду как штык.

– Вот и молодец, – он кивнул, а через пару минут Василий позвал всех в столовую, где под его руководством уже накрыли стол.

Еда была выше всяких похвал. Все с удовольствием кушали, нахваливая Василия, а Миша еще и Анастасии комплименты делать успевал. Женя смотрела и вздыхала, завидуя, что ее обеды с Этьеном уже в прошлом.

Конечно, Василий принес и свою домашнюю наливку, рецепт которой пытались выведать у него кухарки всех соседних поместий, так что за столом скоро потеплело во всех смыслах.

Женя расслабилась, даже нога стала болеть меньше. Саша и Миша развлекали жену доктора с дочерьми, а Андрей Ионыч позвал Женю в библиотеку – поговорить о ранах душевных.

Там он помог Жене устроиться в кресле, а сам уселся в соседнее, не обходя стол.

– Ну как ты, Женя? – спросил он, подразумевая, конечно, не видимые глазу ранения.

Женя вздохнула и как-то сгорбилась, обхватив себя руками.

– Места себе найти не могу, – сказала она. – Сердце ноет и ноет, плохо мне без него.

– Ох, Женя-Женя, – у Михайловского аж сердце защемило, ведь молодая княжна уже давно была ему как дочь. – Чем же нам залечить твое сердце?

– Ничем его не залечишь, – вздохнула она, сползла на пол и ткнулась лицом в колени хирурга, расплакавшись. Мужчине было не к лицу плакать, и она по привычке держалась долго, но перед Михайловским было не нужно притворяться.

У врача даже язык не поворачивался сказать, что время лечит. Он ведь видел, как зарождалась эта любовь, какое сильное было чувство, а учитывая, как драматично оно прервалось, надежда на выздоровление от душевных ран была слабая.

Михайловский положил ладонь на голову Жени и стал поглаживать.

– Ничего, Женя, ничего, – вздохнул он негромко.

Проплакавшись, Женя затихла и успокоилась. Заглянул Василий и вернулся уже с бутылкой кедровки – бодрящей и настолько резкой настойки, что Женю после глотка подбросило на месте. Она закашлялась, но мозги прояснились, а вот язык стал заплетаться.

– Поспать бы барину, – заметил Василий.

– Отведи в гостевую спальню в западном крыле, – кивнул Михайловский, отправляя Женю в дальнюю комнату, где его никакие звуки не побеспокоят. Последняя надежда у него была на то, что Женю отвлечет работа.

Женя уснула сразу же, как улеглась в постель и была укрыта заботливым Василием теплым пледом.

Чтобы Саша и Михаил не скучали, дочери Михайловского предложили им конную прогулку по окрестностям, и Василий распорядился, чтобы им запрягли лошадей.

Женя проспала до самого ужина и проснулась уже гораздо более отдохнувшей и спокойной. Она спустилась в гостиную, и болтала с женой Михайловского, пока остальные возвращались с прогулки.

На ужин стол снова ломился от всяческих яств, так что получился самый настоящий праздник по поводу приезда дорогих гостей. Женя старалась больше улыбаться и поддерживать беседу, чтобы никого не расстраивать своим кислым видом, и настраивала себя на работу в госпитале у Михайловского. Этьен всегда будет ее любовью и болью в сердце, но нужно и впрямь жить дальше.

Конечно же, под вечер их никуда не отпустили и оставили ночевать в поместье. Но с тех пор поездки в гости стали регулярными, и всем была очевидна причина – между Мишей и Анастасией зародилось искреннее светлое чувство. Женя был искренне рада за брата, и никто не удивился, когда устроили бал в честь их помолвки. Женя уже приступила к работе в госпитале, и они с Андреем Ионычем разве что чудеса не творили, как все утверждали.

Михайловский только радовался, с каким рвением Женя относится к работе, все-таки хоть немного его надежды по этому поводу оправдались. Иногда, конечно, он видел, как молодая коллега застывала с тоской в глазах, но ему казалось, что это происходит все реже.

Свадьбу назначили на декабрь, и все были по уши в суматохе приготовлений, особенно мать и сестры. Мишель в своей влюбленности казался мальчишкой, а не боевым офицером, прошедшим войну. Вот только его нет-нет, да мучило чувство вины.

– Женя, ты на меня не обижаешься? – как-то вечером он решил поговорить с сестрой.

Ранние снега уже посеребрили землю, и они сидели у камина в отцовском кабинете.

– Господь с тобой, Миша! – обалдела Женя. – С чего мне вдруг на тебя обижаться? – спросила она, потягивая горячий сбитень. Они только-только вернулись домой и ждали ужина.

– Из-за свадьбы... суматохи этой, – Мишель виновато вздохнул.

Из-за того, какое настроение было на душе у сестры, ему казалось, что они организуют пир во время чумы. Да еще и Саша уехал в Европу, так не вовремя.

– Нет, что ты. Я рада, что ты нашел свое счастье. Любовь это лучше всего на свете, и за это нельзя обижаться, – ответила Женя. – Не переживай за меня.

– Как я могу за тебя не переживать? – Миша вздохнул и погладил ее по руке.

Его оправдывало, что он и правда был влюблен по уши, считая Анастасию самым настоящим ангелом.

– Просто радуйся, брат, – улыбнулась Женя. – Тебе сказочно повезло. Вот и весь разговор.

– Хорошо, – кивнув, он благодарно улыбнулся, а когда Дуняша позвала их ужинать, пошел вместе с Женей в столовую.

Саша вернулся к делам и бизнесу семьи, и до свадьбы друга должен был заключить одну сделку во Франции. Восточный экспресс доставил его быстро, и вскоре он был в одном из ресторанов, где была назначена встреча.

Работа стала для Этьена единственной отдушиной. За три месяца, прошедшие с окончания войны, дома он был от силы три недели, да и то, одну из них – сразу после возвращения. Все остальное время он мотался в Италию, в Испанию, в Швейцарию, где заключал новые контракты для поставок их вина.

В очередной раз вернувшись домой, он готовил документы для партнеров в Бельгии, но из-за снегопада поездка отложились, и он, решив немного прогуляться, решил зайти в ресторан, в котором бывал раньше... словно в прошлой жизни.

Саша увлеченно обсуждал с одним знакомым всякую ерунду, как и было положено по правилам хорошего тона, разделяваясь с куропаткой, а потом замер на половине фразы, увидев, как ему показалось, призрака. Выругавшись, он извинился и встал из-за стола, направляясь к знакомой фигуре.

Этьен без аппетита, как-то даже механически ковырял вилкой в тарелке, практически размазывая по ней гусиный паплет тонким слоем. Заметив движение сбоку, он обернулся и замер, увидев Сашу. Это было эхом прошлой жизни, которая казалась похороненной с Женей до сего момента.

– Ты, – коротко выдохнул Саша, понимая, что это не призрак и не мираж. – Ты! Я тебя предупреждал, что убью, если причинишь ей боль! – взревел Саша и вцепился в Этьена, держа его за грудки. – Она там убивается, а ты сидишь тут как ни в чем ни бывало! – он встряхнул его.

Сказать, что Этьен растерялся, это ничего не сказать. Он совершенно не понимал сути претензий Саши, и сам не заметил, как тот принялся трясти его.

– Кому, Саша? – изумленно спросил он, даже не пытаясь оказать сопротивление. – Кто убивается?

– Кто убивается? – единственный глаз Саши налился кровью от ярости. – Кто? Ах ты какой забывчивый! Ну я тебе напомню! – он размахнулся и ударил его в лицо. – Это тебе за Женю! За каждую ее пролитую слезинку! – он сшиб его со стула.

Этьен отлетел спиной в стену и сполз по ней, но по-прежнему не пытался как-то остановить Сашу. Это сделал администратор ресторана, оттаскивая агрессивного посетителя от редкого, но постоянного гостя.

– Саша... – у Этьена в голове не укладывалось, что он сейчас услышал. – Женя... я видел, как она погибла, – просипел он, не в силах сглотнуть ком в горле.

Услышав это, Саша замер, тяжело дыша и уставившись на Этьена.

– Что ты сейчас сказал? – спросил он, переведя дух.

– Я.. я сказал, что видел, как погибла Женя, – ответил Этьен, механически утирая кровь с разбитой губы. – Она отвезла тебя в лазарет, потом вернулась на поле боя и... – он не смог договорить, а из глаз потекли слезы, хотя ему казалось, что он все выплакал.

Саша вывернулся из рук официанта и подошел к Этьену, только теперь понимая, что произошло.

– И что? – спросил он. – Что ты увидел?

– Как турок занес над ней саблю, я пытался отвести удар, но не успел, – Этьен принялся торопливо утирать слезы тыльной стороной ладони. – А потом кто-то ударил меня. И все. Я очнулся во французском госпитале.

– Мы думали, умер ты, – ответил Саша. – Женя жива. Ей здорово досталось, но больше она болеет от того, что ты умер. Она в трауре с конца войны. Почему ты никому не дал знать, что ты жив? Почему?

Этьен слышал и... не понимал, что слышит. У него просто в голове не укладывалось, то, что сказал Саша.

– Жива? Женя... жива? – прошептал, повторил он и тяжело рухнул на стул. – Бог мой... Саша... – он спрятал лицо за ладонями и расплакался, как мальчишка.

Саша обнял его, ощущая, словно его шарахнули по голове чем-то тяжелым.

– Живая твоя Женя. Живая. Ох, Боже, кто бы мог подумать. В шрамах правда, но живая.

– Я должен... боже, Саша, я должен ехать к ней, – просипел в его плечо Этьен. – Но как же... Постой, – он встрепенулся, снова вытирая щеки. – Я ведь отправил коньяк Василию за услугу, которую он мне оказал. Посылка не пришла?

– Не было посылки, пока я был там, – покачал он головой. – Я уезжаю завтра, едем со мной. Миша женится, свадьба будет, такие новости как раз к празднику.

– Мне надо вещи собрать, – Этьен встрепенулся, подрываясь с места. – Женя жива... Боже, моя Женя жива, – пробормотал он и замотал головой. – Ты где остановился? Поехали ко мне, я познакомлю тебя с семьей.

Саша опешил от того, как Этьен возбужденно заметался.

– Я в гостинице... – пробормотал он, а потом оглянуться не успел, как уже был в экипаже.

Всю дорогу до дома, впрочем, очень короткую, Этьен выпытывал у Саши подробности жизни Жени в последнее время, а когда они доехали, наконец, немного торопливо познакомил его с родителями и, успев сказать, что едет в Россию, рванул собирать вещи.

Саша остался наедине с ошалелой семьей Этьена, глупо хлопая одним глазом.

– Служили вместе, – пробормотал он. – Я друг Жени. Если вы знаете кто это. – сказал Саша.

– Ох, Жени? – отец Этьена понимающе вздохнул. – Примите мои соболезнования. Думаю, и для вас это потеря.

– Женя жива, – ответил Саша, подавив истерический смешок и рухнул на диван. – Мы думали, Этьен погиб. Можно мне чего-нибудь крепкого?

Услышав это, Шарль несколько секунд только открывал и закрывал рот, как рыба, потом налил ему коньяка собственного производства, а заодно себе и супруге, которая полагала Женю другом сына, пусть и очень близким. Детали знал только Шарль.

– Как жива? – изумленно спросил он.

– Почему погибшим? – поддержала его София.

– Потому что Этьен думал, что видел, как Женю убили. А Этьен был в списках погибших с российской стороны. Мы полагали, что его похоронили в одной из братских могил, – ответил Саша, опрокинув в рот весь коньяк за раз и закусив его по излюбленной привычке императора лимоном.

– С ума сойти, – Шарль замотал головой, пытаясь осознать услышанное.

Но он был счастлив, что сын увидит дорогого ему человека. Он кликнул прислугу и сказал готовить праздничный ужин.

– Думаете, Этьен сейчас в состоянии есть что-либо? – с долей сомнения спросил Саша.

– Он все равно должен кушать, – вздохнула София, которой тоже нелегко давались переживания за сына.

Все согласились с ней и стали дожидаться Этьена к ужину.

А тот, пребывая в крайнем нервном возбуждении, пытался собрать вещи и хватался то за одно, то за другое. К счастью, часа через два ему это удалось, и он спустился в гостиную, только тогда осознав, что бросил Сашу.

– Ох, прости! Я забыл обо всем на свете.

– Тебя все ждут к ужину, – ответил Саша. – Тебе надо поесть, – он повел его в столовую где все собрались.

– Жаль, что нельзя уехать прямо сейчас, – с сожалением вздохнул Этьен, у которого нервное возбуждение сменилось мандражем, что что-то не получится. Но он все же сел за стол.

– Сынок, мы уже заказали для тебя билет на поезд, – сказал Шарль, пока подавали блюда. – Уедете утром.

– Спасибо, – Этьен благодарно улыбнулся отцу, который смотрел на него с пониманием, да и София не могла не думать о том, что эта Женя была для сына кем-то большим, чем друг.

Но подобные тонкости за ужином не выясняли, и все сосредоточились на еде и болтовне о всякой ерунде, а потом уже поздно вечером Саша откланялся – ему еще нужно было собрать вещи.

– Завтра утром встретимся на вокзале, – сказал Этьен, провожая Сашу до экипажа. – Спасибо тебе, Саша! – не удержавшись, он кинулся его обнимать. – Спасибо тебе огромное. Ты даже представить не можешь, что сделал для меня.

– Ты извини, ну за лицо, – сказал Саша, обнимая его. – Я тоже все никак поверить не могу.

– Ничего, я заслужил... Я ведь обещал, что уберегу ее, а от ранения не уберегу, – вздохнул Этьен, размыкая объятия. – Как думаешь, она будет рада меня видеть? – негромко спросил он.

– Думаю, для начала она упадет в обморок, – улыбнулся Саша. – А потом будет уже рада.

– Ох, надеюсь... – Этьен вздохнул и отпустил его в гостиницу.

Всю ночь ему не спалось, он думал, как пройдет встреча, а утром, поскольку собрался рано, поехал в гостиницу к Саше и ждал его в холле. На вокзал они прибыли вовремя и заняли свое купе в первом классе. Саша и сам подпрыгивал от нетерпения, что уж говорить об Этьене.

Поскольку еще два года назад Этьен приезжал в Россию именно для налаживания деловых связей, сейчас у них нашлись общие темы для разговора, а к концу путешествия и обозначились договоренности.

– Мне, наверное, лучше сначала в гостиницу? – неуверенно предложил Этьен, ступив на перрон в Москве, хотя сердце его рвалось к Жене.

Саша прищурил свой глаз.

– В какую еще гостиницу? К Жене немедленно! И без разговоров, – ответил он, свистом подзывая извозчика.

– Хорошо, – Этьен послушно согласился и, когда их вещи погрузили, запрыгнул на бричку. – Далеко ехать? – спросил он, снедаемый самыми противоречивыми чувствами.

– Нет, не долго. Скоро ты ее увидишь. Застанем до того, как уедет в госпиталь. Гони! – велел Саша извозчику, и они помчались.

Этьен кивнул и постарался набраться терпения. Он уже знал, что Женя вернулась к работе, и сейчас ему оставалось только надеяться, что Саша не ошибся с расчетами.

Женя всю ночь плохо спала. Ее мучило какое-то предчувствие, но хорошее или плохое – она не могла понять. Поднялась она рано, умылась и привела себя в порядок, и спустилась к завтраку одновременно с отцом-ранней пташкой.

– Повозка подъехала, – встрепенулся Евгений Дмитриевич. В утренней тишине звуки с улицы были хорошо слышны.

– Барин, Александр Петрович прибыли, с другом, – через пару минут доложил дворецкий, впустивший гостей в дом.

Женя поднялась, чтобы поприветствовать Сашу, хоть и была удивлена, что тот приехал так рано. Обернулась и замерла, вцепившись пальцами в спинку стула. Сердце ухнуло куда-то в живот и там замерло, она забыла, как дышать, а колени ослабли. Трость выпала из руки, и она осела на пол, во все глаза глядя на призрака.

– Женя... – только сейчас, увидев возлюбленную, Этьен понял, что до этого самого момента боялся ошибиться, боялся, что ошибся Саша, или что-то вообще пойдет не так.

И сейчас, когда он видел перед собой Женю, которая почти не изменилась – все та же строгая мужская одежда, остриженные кудри, и даже шрам ее ничуть не портил – он чувствовал, как рвется сердце из груди.

– Женя, – задуманным шепотом повторил он, падая перед любимой на колени.

Женя не могла произнести ни слова. Только открывала и закрывала рот, дрожащими руками ощупывая Этьена и убеждаясь, что тот из плоти, а не призрак прошлого. Она ткнулась лицом в его грудь и беззвучно разрыдалась, дрожа и едва дыша.

В тот же миг Этьен сгреб ее в свои объятия и прижал крепко-крепко. Это было похоже на сон – один из тех кошмаров, которые постоянно мучили его – Этьену снилось, что он находит Женю, а та либо оказывается трупом в его руках, с пустыми глазницами, либо растворяется.

– Посмотри на меня, Женя... посмотри, – прошептал он севшим голосом.

Евгений Дмитриевич смотрел на это все с широко раскрытыми глазами и вопросительно взглянул на Сашу, но тот только улыбнулся ему.

А Женя подняла лицо к Этьену, глядя его по щекам.

– Живой... – прошептала она. – Живой, Господи, живой, – повторяла она, не отрывая взгляда от его глаз.

– Живой, – вторил ей Этьен, вжавшись своим лбом в ее.

Подняв руку, он бережно стер слезы с щек Жени и уже почти потянулся к ее губам, но вспомнил о том, что они совсем не одни, поэтому только снова крепко обнял, просто не в силах сейчас соблюдать церемонии.

– Как же так? Как так? – спросила Женя, прижимаясь к нему и ощущая себя и потрясенной, и счастливой до безумия, до слабости во всем теле.

– Я думал, ты погибла, Женя... Лицо твоё окровавленное видел. Не смог руку того турка проклятого отвести, – принялся виниться Этьен, судорожно сглатывая подступающие к горлу спазмы.

– Я тоже думала, что ты погиб... И в списках ты был, – прошептала она. – А ты тут, живой, со мной... Почему не дал знать, что, жив?

– Я не знал, кому писать... Василию коньяк отправил, а он видишь, не дошёл, – рассказал Этьен.

Тут на дворе снова послышался шум, а через минуту в столовую влетел Михайловский в распахнутой бобровой шубе, а следом за ним Василий с бутылкой наперевес.

– Женя! – с порога воскликнул он, но увидел Этьена, да так и осел на ближайший стул.

– Видимо, дошел, – догадался Саша.

– Он живой. Вернулся ко мне, – улыбнулась Женя, и это была первая настоящая улыбка за очень долгое время. – Счастье мое.

Василий принялся креститься, а Михайловский не удержался и пустил скупую мужскую слезу, а потом спохватился.

– Как же так вышло, что мы ничего не знали? – врач всплеснул руками, с укором глядя на Этьена. – Как же вы так исчезли? Женя вон сколько убивалась.

– Я не знал, – виновато прошептал Этьен. – Я думал, она погибла... сам видел, – он снова повернулся к любимой и провел пальцем по шраму.

– Отвел ты его удар, – прошептала ему Женя. – Ранил, но не убил. Спас меня, любимый. А я тебя не сумела, – она крепко прижалась к нему, вздыхая. – Полгода без тебя, словно жизнь целая. Каждую ночь ты мне снился, сердце болело, ни минуты без мысли о тебе.

И хотя Евгений Дмитриевич уже догадывался, эти слова дочери окончательно поставили все на место. Он лишь вздохнул, понимая, насколько сильны и серьезны чувства – возражать бесполезно. Самым сложным тут теперь было объяснить все жене. Она французов очень невзлюбила за то, что война сделала с ее детьми, и дочерью в особенности.

– Это я должен был беречь тебя, – у Этьена снова защемило в носу, и он принялся целовать руки Жени.

Тут уже и Василий не выдержал, шмыгнув носом и шумно высморкался в платок.

В разгар этой сцены явилась мать Жени и удивленно потребовала объяснить, что тут происходит. Женя же не слышала и не видела ничего, кроме своего возлюбленного.

Поэтому объясняли ей Саша, а поддержку ему оказывал Михайловский, рассказывая все максимально деликатно, оставляя за Женей право посвятить мать в детали своих чувств к Этьену.

– Ты ведь не уедешь? – спросила Женя, вздыхая. – Не покинешь меня больше?

– Никогда, Женя! На шаг от тебя не отойду, – прошептал Этьен, снова прижимая ее к себе.

Последним, шокированным новостью, оказался Мишель, который спустился в столовую позже всех. Народу было столько, что он и не понял, из-за чего весь сыр-бор, но потом увидел Этьена и тоже не сдержал изумленного возгласа.

Женя улыбнулась брату и кое-как вместе с Этьеном поднялась на ноги.

– Он жив, – сказала она. – Миша, он вернулся ко мне.

Мише тоже рассказали, почему возникло такое недопонимание, и он кинулся обнимать Этьена и сестру.

– Счастье! Какое же счастье, – у него словно камень с души упал.

Только мать Жени ничего не понимала и громогласно требовала от Жени объяснений. И та, вздохнув, решила ничего не скрывать.

– Этьен, человек которого я люблю. Которого я считала погибшим на войне. И оказалось, что все не так, что он жив, и вернулся ко мне. Мы любим друг друга.

После этого признания произошло то, чего следовало ожидать – Екатерина Алексеевна лишилась чувств и благополучно упала на руки супруга, так что все кинулись к ней.

– Холодной воды и нюхательную соль, – потребовал Михайловский, оказавшись ближе всех.

Впрочем, пришла в себя барыня довольно быстро, и уставилась на Женю диким взглядом.

– Это же не правда? – спросила она. – Грешно ведь, родная! Без брака!

– А людей на смерть отправлять не грешно? – спросил Евгений Дмитриевич у супруги. – Не нам судить, Катенька. Наша дочь нашла родную душу. Или ты хочешь, чтобы она убивалась, не имея нашего благословения?

Женщина хотела было возразить, но поняла, что муж прав и перечить не стала, только вздохнула, кивнув.

– Хорошо, будет ей наше благословение.

Улыбнувшись, граф расцеловал руки супруги и повернулся к дочери.

– Думаю, вам есть, о чем поговорить наедине.

Женя улыбнулась, смущенно покраснела и повела Этьена наверх, в свою комнату. И что удивительно – вовсе забыла о трости.

Глава 2.

– Любимая моя, – когда они остались наедине, Этьен снова крепко прижал Женю к себе и несколько секунд смотрел в ее глаза, а потом крепко поцеловал.

Этот поцелуй был самым нежным и невероятным. Словно их первый, такой любящий и страстный.

– Этьен... – прошептала Женя, вздыхая.

– До сих пор не верится, – признался Этьен, начав покрывать ее лицо поцелуями, и вдруг спохватился. – Постой, Саша сказал, что ты в это время на работу уезжаешь.

Женя вспомнила, что у нее действительно рабочий день.

– Сегодня не планировалось ничего важного из операций. Попрошу Андрея Ионыча отпустить меня, – сказала она.

– Не думаю, что он будет возражать, – Этьен улыбнулся, не в силах насмотреться на возлюбленную. – Давай вместе сходим, – предложил он.

Женя кивнула, не отпуская его руку и они вдвоем пошли вниз, к Михайловскому.

– И ты с дороги голоден, наверное. Попрошу Дуняшу подать завтрак в мою комнату.

– Было бы неплохо, – Этьен виновато кивнул – нормально он ел еще дома, а в дороге лишь немного перекусывал, да и то по настоятельному требованию Саши.

Они спустились вниз и обо всем договорились. Михайловский тут же согласился, разрешив Жене неделю не появляться в госпитале, тем более что свадьба через два дня. А Дуняша уже тащила огромный поднос вверх в комнату Жени.

– Я так рад, что твои родители отнеслись с пониманием, – сказал Этьен, когда они возвращались в комнату. В животе у него уже начинало урчать.

– О, а как я рада, – ответила Женя. – Не иначе потому что у Миши свадьба, и матушка по уши в подготовке. Но еще больше я рада что ты со мной... Мои мечты сбылись.

– А я даже не мечтал, ну, после того боя, – повинулся Этьен.

Наверное, Жене было немного легче, ведь она не видела Этьена мертвым.

– Как ты оказался у французской армии? – спросила Женя. Они устроились в креслах перед камином и стали завтракать.

– Я плохо помню, – признался Этьен, откусив едва ли не половину булочки. – Мне кажется, я шел... но не уверен, к чьему лагерю, а потом уже очнулся в госпитале. Меня узнал один из сослуживцев, вот и не убили.

– Какое счастье, – выдохнула Женя. – Господь уберег тебя, – к ней тоже вернулся аппетит, и она ощутила, что страшно голодна.

– Я боялся, ты сочтешь меня предателем, – признался Этьен погладив его по руке.

– Ты никогда не будешь предателем для меня, – ответила она, переплетая их пальцы. – Я тебя люблю.

– И я тебя люблю, Женя... Очень люблю, – Этьен в очередной раз отвлекся от еды, чтобы сжать ладонь возлюбленной двумя руками и поцеловать ее.

Некоторое время они только ели и целовались. Потом Женя увела его на кровать – полежать в обнимку.

– Помнишь узкие походные койки? – сказала она.

– Конечно, – кивнул Этьен. Они лежали лицом друг к другу, не в силах насмотреться. – А палатку на берегу ручья помнишь? – спросил он.

– Она мне часто снилась, – улыбнулась она, глядя его руки и целуя их. – Самое волшебное место на свете.

– Мне тоже, – прошептал Этьен. – Мысленно я возвращался туда, чтобы уйти от кошмаров. Но теперь их не будет, – он счастливо вздохнул, снова целуя ее.

– Какое счастье просто лежать вот так с тобой рядом, – прошептала ему Женя.

– Я мог бы провести так всю жизнь, – признался Этьен, целуя его в губы.

Его сейчас совершенно не волновало, что подумают о них домочадцы Жени. В особенности ее суровая и властная мать, которая его чуточку пугала.

– И я тоже, – улыбнулась она, отвечая на его поцелуи. – Твои губы все такие же мягкие.

– А ты все такая же красивая, – Этьен и правда совершенно не видел шрама через Женино лицо – перед ним была все та же девушка. Он и себя не чувствовал человеком с сединой на висках.

– Не смейся, моя мать была в ужасе, когда увидела меня, – улыбнулась Женя. – Это ты из нас двоих красавчик, – она нежно поцеловала его. – Поседел только.

– Не разлюбишь меня теперь? – Этьен придвинулся к ней поближе и поцеловал в шею, где заканчивался шрам.

– Никогда. А ты меня? – спросила она, закрыв глаза от сладкой дрожи.

– Мое сердце перестанет биться прежде, чем я тебя разлюблю, – ответил Этьен.

Женя улыбнулась и крепко-крепко его обняла, положив голову ему на грудь.

– Любимый мой... Сердце мое.

Прикрыв глаза, Этьен поглаживал ее по спине и сам не заметил, как заснул, умиротворенный близостью самого главного в своей жизни человека.

Женя тоже уснула, крепко, без кошмаров и снов, впервые за долгое время.

Их не беспокоили. Только ближе к обеду Дуняша заглянула тихонько, чтобы предложить принести покушать, а, увидев их, перекрестила и ушла, настрого запретив прислуге даже летать мимо двери молодой барышни, не то что ходить.

Проснулись они к ужину, отдохнувшие и словно исцеленные друг другом. Женя сначала боялась открыть глаза, поверить в то, что она считала, ей приснилось. Но Этьен был рядом, а значит все было вовсе не сном.

– Любимый... – прошептала она ему.

Не меньший восторг испытал и Этьен от пробуждения. Проснувшись не от кошмара, в кои-то веки, а после полноценного отдыха, он обнял ладонями лицо возлюбленной и принялся покрывать его поцелуями.

– Счастье какое, Женя! Счастье-то какое...

Женя счастливо засмеялась и ответила на его поцелуи, крепко прижавшись.

– Ну, в баньку и ужинать? – предложила она. – А потом опять сюда, в постель.

– А в баньку вместе? – спросил Этьен и даже немного смутился, вспомнив их последнюю ночь. В реакции своего тела он не сомневался. – Ты уверена, что это будет прилично – остаться на ночь в твоей комнате? – уточнил он неуверенно.

– Вместе, кто же еще тебя попарит кроме меня? – улыбнулась Женя. – И мне все равно. Это будет неприлично, но я так хочу.

– Я просто не хочу, чтобы у тебя были проблемы с родными из-за меня, – пояснил Этьен, поднимаясь на ноги. – Наверное, стоит попросить у твоего отца хотя бы позволения остаться в вашем доме.

– Абсолютно уверена, что он не откажет, но, если тебе так будет спокойнее, спроси. – ответила Женя. Матери она собиралась решительно противостоять, если та вдруг будет скандалить и вспоминать о приличиях. Все ее приличия остались на войне. Теперь хотелось любви и свободы.

– Будет, – кивнул Этьен и благодарно улыбнулся. – Я очень хочу познакомить тебя с родителями, – шепнул он, выходя с Женей из комнаты.

– А они что, знают про меня? – удивленно спросила Женя. – И как они отнеслись?

– Отец знает все, маман считает, что мы близкие друзья, но теперь, думаю, отец расскажет ей правду. А если нет, я все расскажу сам, – пообещал Этьен.

– Они не отрекутся от тебя? – спросила она. – Что ты будешь делать, если она будет против?

– Не думаю, что такое возможно... – Этьен задумчиво покачал головой. – Если же это случится, в Женеве у меня есть небольшое поместье, завещанное мне дедушкой, будем жить там.

– А в России побывать не хочешь? Посмотреть, как мы живем, – улыбнувшись, предложила Женя. – Тут хорошо зимой.

– Так я же не собираюсь завтра уезжать. Только письмо им напишу, – ответил Этьен и чуть нахмурился, вспомнив про пресловутую бутылку коньяка. – Только бы отправить с okazji.

– Миша с женой отправятся на южное побережье Франции в свадебное путешествие, они могут передать, – предложила Женя. – Кстати невеста его – дочь Михайловского.

– Это было бы замечательно, – кивнул Этьен, останавливаясь на последней ступеньке лестницы, ведь просто не знал, куда идти дальше. – Это же замечательно! – он улыбнулся, услышав новость. – Я могу пойти с тобой на свадьбу?

– Конечно. Как же иначе? – кивнула она, ведя его в кабинет, где обычно проводил время отец.

– Ну, вдруг это неуместно, – он пожал плечами, улыбнувшись, и последовал за Женей, а та открыла дверь, постучавшись.

– Папа, это Этьен. Хотел с тобой поговорить, ты не занят? – спросила Женя, обратившись к отцу, сидевшему возле камина.

– Здравствуйте, Евгений Дмитриевич, – Этьен поздоровался, получив дозволение войти, и занял кресло, на которое указал граф. – Женя любезно предложила мне быть гостем в вашем доме, но я не могу спросить вашего позволения.

– О, разумеется вы наш гость, – ответил Евгений Дмитриевич. – Женя вольна распоряжаться этим домом в равной мере. Хорошо отдохнули с дороги?

– Да, замечательно, – ответил Этьен, невольно смутившись от того, как именно они отдыхали. – Благодарю вас. Сейчас я морально не готов расстаться с Женей.

– Понимаю. – улыбнулся Евгений Дмитриевич. – Полагаю, ваши намерения в отношении моей дочери очевидны, и отдельная комната вам будет не нужна?

– Только если вы позволите... – Этьен вспыхнул до кончиков ушей. – Мне бы не хотелось, чтобы кто-то из ваших домочадцев чувствовал себя неловко.

– Девочкам по спальням старших сестер шастать вообще не следует, а с Екатериной я поговорю, – ответил он. – Не извольте беспокоиться.

– Спасибо вам, Евгений Дмитриевич, – с искренней, неподдельной благодарностью ответил Этьен.

– Не за что, голубчик, – улыбнулся он. – Ужин через час. Приведите себя в порядок, освежитесь. Миша только-только из баньки пришел, пока натоплено.

– Отлично, мы как раз собирались, – кивнул Этьен и, еще раз поблагодарив, поднялся на ноги. Женя подавила смешок и крепко обняла отца, поцеловав его в макушку. Она и подумать не могла, что он все поймет и не будет возражать.

Для начала они выяснили, куда отнесли чемоданы Этьена, там он взял себе чистые вещи и пошел за Женей.

– Знаешь, что мы делаем, когда паримся зимой? – улыбнулась Женя, когда они вошли в предбанник.

– Хлещете друг друга вениками? – предположил Этьен, начав раздеваться, решив, что делать это нужно в любом случае.

– Не только, – улыбнулась она. – Мы прыгаем в озеро. Ну или в снег. Там уже вырубili прорубь, зима в этом году ранняя и холодная.

– В прорубь? – Этьен замер и невольно даже отступил на шаг. – А сердце из-за этого не остановится?

– Нет. Но кричать и ругаться следует в обязательном порядке, – улыбнулась она. – Ты справишься, я уверена.

– Ну, надеюсь, – уверенности в голосе Этьена было немного, но, после всего пережитого отказываться от такого он точно не собирался. – В конце концов, рядом со мной врач.

– Вот именно, – кивнула Женя, раздеваясь. А после чмокнула Этьена в щеку и открыла деревянную дверь в баню. На них сразу дохнуло влажным теплом, жаром, ароматом распаренных веников, и разогретого дерева.

– Я скучал по этому запаху, – признался Этьен, входя в парилку. В Европе не было ничего подобного, и он даже подумывал выписать специалиста из России, но не решился, опасаясь тягостных воспоминаний.

– Здесь лучше, чем в лагере, – ответила Женя. – Отец сам занимался. Подбирал каждую дощечку. Запах, целебные свойства. Он в этом разбирается, ложись давай, попарю тебя.

– Хорошее место, – кивнул Этьен, неожиданно ощутив какую-то добрую волну, исходящую от помещения, словно от самих стен. Он послушно улегся на полок, подложил руки под голову и прикрыл глаза.

Женя взяла один из веников, положила его в теплую мыльную воду, а сама пока окатила Этьена из ушата, чтобы разогреть. Не удержалась, погладила по спине и плечу, увидев каждый из его шрамов. И мысленно пообещала себе зацеловать ночью каждый. А потом взялась парить его.

На первый удар Этьен вскрикнул, больше от неожиданности, а потом только стонал, чувствуя, как целебный жар наполняет все тело. Целебным он был и для души, как и близость Жени.

Женя охаживала его, не жалея, даже вскрикивая от усилия.

– Переворачивайся, – скомандовала она, обдав его прохладной водой из ушата.

– Ох... сейчас, – Этьен чувствовал себя медузой, поэтому поворачивался с трудом, но ему это все же удалось, и он улыбнулся Жене, глядя на нее снизу-вверх.

Женя не удержалась, нежно чмокнула его в губы, а потом снова принялась охаживать уже весьма растрепанным веником.

Только эти хлесткие, приятно жалящие касания помогали Этьену не возбудиться, иначе это непременно произошло бы.

– Давай теперь я, – прохрипел он, окончательно растекшись на полке.

– Хорошо, – Женя перевела дух, отдала ему веник и тоже легла на полок, улыбаясь своему любовнику.

Тогда и Этьен не удержался – сначала поцеловал Женю, а потом принялся хлестать ее веником, стараясь не причинить боль. Но Женя только наоборот подгоняла его, требуя хлестать сильнее и сильнее.

– Еще, Этьен, не желей!

Тогда Этьен попросил ее перевернуться на живот, и вот тогда уже стал охаживать в полную силу, доводя кожу до малинового цвета.

Женя не стеснялась, покрикивала от удовольствия, а потом, когда они оба распарились, окатили друг друга водой, взяла его за руку и повела к другой двери.

– Готов? – шально улыбнулась она, тяжело дыша и сверкая глазами.

– С тобой я готов на что угодно, – кивнул Этьен, сжимая ее руку.

Было немного страшновато, но, когда дверь распахнулась, и в нее ворвались сизые облачка пара, им овладело странное восторженное предвкушение, и, кажется, уже он сам тащил Женю к проруби, в которую и сиганул, громко заорав от смеси ужаса и эйфории.

Женя тоже вскрикнула, когда они прыгнули в прорубь. Там было неглубоко, они даже толком не нырнули, но вынырнув, сразу вылезли на снег и Женя, зачерпнув горсть, стала яростно растирать визжащего Этьена.

Убедившись, что не умер от этого, Этьен потом сделал то же самое, а когда они охладилась, вместе рванули обратно в парилку.

– С ума сойти! – ему просто не хватало слов от избытка эмоций.

Женя счастливо хохотала и облила их обоих теплой водой, а потом они уселись на полоч.

– Как тебе? – спросила она, целуя его.

– Очень... необычно, – признался Этьен, обняв ее за плечи. – Столько ощущений. И кажется, что невозможно дышать, но при этом словно все тело дышит.

– Вот, это хорошее и правильное ощущение. Как и должно быть после баньки, – кивнула Женя, беря мочалку и нежно начиная намывать любимого.

– Женя... – Этьен неуверенно остановил ее, смущенно и виновато закусив губу. – Боюсь, после такого я точно не смогу сдерживаться. Может, лучше каждый сам помоеется?

– А кто нас тут увидит? – спросила Женя. – Я так по тебе соскучилась. Не сдерживайся.

– Нас ведь к ужину будут ждать, – с угасающей уверенностью добавил Этьен, уже целуя его в плечо.

– Еще двадцать минут есть, – ответила она. – Можем пока...слегка. А ночью как следует...

– Слегка? – переспросил Этьен, придвигаясь все ближе к Жене, целуя ее в шею и проводя по ней кончиком носа.

– Ну...только руками, – она села к нему на бедра. – Вот так...можно ведь? – спросила она, балдея от поцелуев.

– Как угодно, – отозвался Этьен, моментально возбуждись.

Он ведь за эти месяцы даже не касался себя толком, что уж говорить о полноценной близости.

Женя прижалась ближе, их животы соприкоснулись, она ощутила член Этьена и не удержала громкий стон.

– Ох, ох черт, Этьен...

– Господи... Женя... Женя... как я соскучился, – вторил ей стоном Этьен, обхватив ее бедра и толкая на себя.

Женя осыпала его поцелуями и стонами, гладила его спину и плечи и двигала бедрами в нужном ритме, все быстрее и быстрее.

Как мог, Этьен отвечал на ее ласки, стараясь не отвлекаться, усиливая скорость движения руки. Даже эта близость оглушала его, сжимая весь мир то тесного пространства только для них двоих.

Долго они не продержались – слишком сильно соскучились и давно не испытывали подобного наслаждения. Женя кончила первой, замерев и тихонько вскрикнув.

Этьен отстал от нее лишь на мгновение и выплеснулся в свой кулак, а их стоны смешались.

Женя устало ткнулась носом ему в плечо и выдохнула, дрожа.

– Мой...мой родной, любимый, сердце мое, душа моя...– шептала она ему на ухо.

У Этьена от оргазма перехватило горло, и он только прижимал Женю к себе, глядя ее по спине.

– Надо выходить...– выдохнула Женя. – Угорим иначе. Сейчас обольемся холодной водой и надо выходить. – Она поцеловала его и встала на трясущихся ногах, а потом окатила их обоих и выпихнула француза в предбанник.

– Да, идем, – Этьен кивнул и тоже кое-как поднялся на ноги, но вода подействовала на него чудесным образом – он взбодрился и весьма энергично принялся одеваться, стерев воду.

Из бани они вышли бодрые и голодные, и высушив полотенцами волосы, сразу поспешили к ужину.

К счастью, они даже не опоздали – уже после них последним к ужину явился Миша. Тогда все прочитали молитву, и Дуняша стала подавать на стол.

Сестры Жени засыпали Этьена вопросами о Франции и тому подобном. Евгений Дмитриевич спрашивал о бизнесе, о производстве коньяка. А Женя молчала и подкладывала любимому лучшие куски.

На все вопросы Этьен отвечал очень охотно, стараясь рассказать даже что-то о последней французской моде, хотя не очень-то следил за ней. О делах бизнеса ему говорить было проще, и он не стал скрывать того, что они теперь сотрудничают с Сашей.

– Вот как, – улыбнулся отец Жени. – Не знал, что Саша решит развиваться в этой сфере. Как интересно. А как вам баня, понравилась?

– Отличная баня, Евгений Дмитриевич, – искренне закивал Этьен. – К сожалению, я не большой спец, но Женя сказала, что я все правильно чувствую после нее.

– Сам строил, – с некоторой толикой гордости сообщил Евгений Дмитриевич. – А в рубль прыгали? – спросил он тихонько.

– Да! – У Этьена даже глаза загорелись. – Это совершенно непередаваемые ощущения, – сказал он и описал теми же словами, что и Жене некоторое время назад. Все за столом добродушно засмеялись, услышав его впечатления.

– Полагаю во Франции подобного нет, – улыбнулся Миша.

– Нет, там в принципе нет бань, да и мыться не принято. Моя маман – итальянка по происхождению, к тому же, всегда увлеклась историей, поэтому по её настоянию дома были сделаны термы по примеру древнеримских.

– Как это, не принято мыться? – не поняли все присутствующие, особенно дамы.

– Ну... вот так, – неуверенно ответил Этьен. – Во дворцах из-за этого стоит жуткая вонь, которую заглушают и духами.

Все ахнули и переглянулись, представив это во всей красе. Женя только хмыкнула, на войне она принялась ко всем возможным букетам.

– Какой кошмар. – выдохнула Екатерина, обмахиваясь салфеткой. – И как вы справляетесь?

– В Европе так было всегда, мадам, – пожал плечами Этьен. – Пару веков назад из-за этого Европа чуть не была уничтожена чумой.

– У нас тоже была чума, – ответил Евгений Дмитриевич. – В семнадцатом веке. Были бунты, и все такое. Но гигиена превыше всего.

– Признаюсь, в нашей стране ваши бани считаются дикостью, – виновато сказал Этьен, ничуть не поддерживающий эти взгляды.

– Дикостью? – тут уж не выдержал и расхохотался Миша. – Господи помилуй, почему?

– Потому что часто мыться – это грех, – пояснил Этьен. – Так воспитывали всех моих знакомых, и непременно воспитывали бы меня, если бы не маман. Поэтому у нее нет подруг, ее тоже считают дикаркой.

– Боже, я подружусь с этой женщиной! – тут же заявила Екатерина. – Пригласи ее погостить к нам. Вы и зиму-то толком не видели.

– Да, у нас зимы не слишком суровые, – кивнул Этьен, с теплотой и благодарностью посмотрев на эту женщину. – Благодарю вас, мадам. Я завтра же напишу письмо для родителей.

– До Нового Года они вряд ли успеют приехать, но Рождество и Святки отпраздновать успеют, – воодушевилась мать Жени.

– Зато успеют отметить католическое Рождество, – улыбнулся Этьен.

Все-таки его родители были людьми верующими, пусть и не вполне обычными.

– Напиши им, – женщина дотянулась до его руки и нежно похлопала. – Дом большой, мы всегда рады гостям.

– Спасибо вам огромное, – Этьен посмотрел на нее с безграничной признательностью, а потом счастливо улыбнулся Жене.

Женя и сама была до чертиков рада, что его семья так легко приняла Этьена и даже его родных. Правда, она подозревала, что отец успел побеседовать с матерью, и намекнуть, что другой вариант замужества Женя ни за что и никогда не примет. Так что ей пришлось смириться с тем, что потенциальный зять – француз и враг отечества.

На десерт Дуняша принесла крупнейший сладкий пирог, который отвлек остальных от разговоров о банях и грехе. Ее радости не было предела, когда Женя не отказалась от большого куска – за это время ее любимая воспитанница сильно отощала и отказывалась от сладкого. Дуняша громогласно радовалась и положила ей еще кусок, сдобрив его сметанным кремом. Женя только улыбнулась, благодарно ей кивнув.

– Это мое любимое лакомство с детства. Попробуй, – сказала Женя Этьену, кивнув на его тарелку, где красовался ломоть не меньше.

– С удовольствием, – кивнул Этьен. Он вообще-то не был сладкоежкой, но в этом приветливом доме, да после бани он просто счел бы себя предателем, не попробовав такой десерт. Он и правда оказался волшебным, просто тающим на языке.

– Вы волшебница, – по-русски, хоть и с жутким акцентом сказал он Дуняше. – Это непередаваемо вкусно.

Дуняша покраснела от удовольствия и смущенно засопела, уходя в кухню.

– Теперь она тебя забалует вкусностями, – усмехнулся Евгений Дмитриевич.

– Только бы не разнесло меня от этих вкусностей, – улыбнулся Этьен, продолжая уплетать пирог. В него уже честно не лезло, но остановиться он не мог.

– Не переживай, не разнесет, – хмыкнула Женя. – Меня же не разнесло, – пожала она плечами, наливая себе еще чаю. Правда она радовалась, что не сидела в корсете, как сестры.

– Ну, вдруг у тебя конституция другая, – улыбнулся Этьен, а Евгений Дмитриевич его успокоил, что поездками верхом он все компенсирует, и Этьен очень надеялся, что в этой фразе нет двусмысленности.

– Ты еще на санях не катался. На тройке, – улыбнулась Женя. – Тебя ждет много нового и интересного.

– Я в этом даже не сомневаюсь, – ответил ей улыбкой Этьен.

Они засиделись в столовой, а потом перебрались в гостиную, где дамы вышивали, а мужчины и Женя разговаривали. Вечер пролетел незаметно, и вскоре все стали расходиться по комнатам. Первыми ушли сестры, потом и Екатерина, и Женя тоже стала поглядывать на Этьена и стрелять глазами в сторону двери.

Не имея ничего против, Этьен поднялся, еще раз поблагодарил Евгения Дмитриевича за гостеприимство, и, раскланявшись, поспешил следом за Женей.

Женя уже ждала его за дверью и взяв за руку, повела в комнату, дрожа от предвкушения. Там они закрыли дверь на замок, и Женя подошла к Этьену чтобы раздеть его.

– Даже не верится... – Этьен осмотрел ее комнату, а потом как в омут с головой кинулся – крепко обнял Женю, мешая ей раздеть себя, и стал целовать крепко, страстно и немного хаотично.

Женя отвечала ему теми же страстными поцелуями, сдирая с него одежду и постанывая.

– Мой... Мой любимый, – шептала она, прижимаясь к нему.

Этьен вторил ей жаркими стонами, справляясь с ее одеждой весьма несдержанно – словно и не было этой близости в бане всего пару часов назад.

– Я так соскучился, – прохрипел он, жадно вдыхая запах кожи Жени на шее.

– И я соскучилась, – ответила Женя, раздев его почти полностью. – Боже, словно сон... возьми меня, Этьен, прошу, прямо сейчас...

– У тебя есть масло? – хотя Этьен и был уже сильно возбужден, он старался не терять голову – причинять боль Жене он точно не собирался.

– Есть, персиковое. Михайловский дал, шрамы мазать, – выдохнула она, толкая любовника к постели.

– Значит, будем персиками пахнуть, как тогда, – Этьен рассмеялся, падая с ней на кровать и накрывая любимую своим телом. – Где у тебя флакон стоит?

Женя дотянулась до шкатулки на прикроватном столике.

– Вот, – она вложила флакон в его руку. – Боже, какой ты приятно тяжелый... полежи вот так еще на мне, прошу.

Получив флакон, Этьен уже собирался приподняться, но замер, услышав просьбу.

– Хорошо. Только скажи, если вдруг станет тяжело, – рассмеялся он, целуя любимую в шею.

– Не станет, – покачала головой Женя, глядя его плечи. – Приятно. Я словно растворяюсь в тебе, пропитываюсь тобой и твоим запахом.

– А у меня ведь даже ничего не осталось на память о тебе, кроме этой ладанки, – Этьен сжал ее, так и висящую на шее – он не снимал ее ни на минуту с того самого дня, когда Женя повесила ее на шею.

– Она тебя и сохранила, – улыбнулась Женя, целуя его. – Не снимай никогда.

– Никогда не сниму, – кивнул он и погладил медальон, висящий на груди Жени. – Сохранила, – прошептал он.

– Любовь моя... – Женя нежно погладила его по щеке. – Люблю твои глаза. Ты прекрасен, сердце мое, душа моя...

Этьен вторил ей комплиментами и признаниями, пока снова не увлек возлюбленную в поцелуй, ласково глядя ее по щеке. Женя ощутила в себе прилив желания, которое захлестнуло ее с головой и вынудило снова прижаться к Этьену уже весьма недвусмысленно.

Никаких больше объяснений не понадобилось. Этьен углубил поцелуй, но потом прервал его и, усевшись между ног Жени, вылил на пальцы немного масла и провел пальцами по промежности, оставляя переливающиеся бусинки масла на волосках.

Разведя ноги пошире, чтобы Этьену было удобнее, Женя подпихнула под себя подушку и старалась сдерживать стоны.

– Боже, словно в первый раз.

– Наверняка, ты сейчас такая же тесная, как тогда, – прошептал Этьен, чувствуя, как трепещет от предвкушения его мужское естество. Он погладил пальцем нежные складочки и стал медленно вводить его.

Женя застонала и постаралась расслабиться еще немного, чтобы Этьену было не так сложно. Она ахала и охала, расслабляя мышцы и вскоре попросила второй палец.

– Тише, моя хорошая, – второй рукой Этьен гладил ее по бедру, постепенно вводя еще палец. Ему бы не хотелось злоупотреблять гостеприимством и нарушать покой благочинного семейства.

Старательно сдерживая громкие стоны, Женя двигала бедрами навстречу пальцам Этьена и умирала от желания получить больше.

Скоро Этьен добавил и третий палец, лаская и подготавливая возлюбленную.

– Какая ты горячая там, внутри, – прошептал он, целуя Женю в коленку.

– Ты тоже очень горячий, – улыбнулась ему Женя. – Боже, у меня даже коленки стали чувствительными.

– Из-за меня? – тихонько рассмеялся Этьен и, не вынимая пальцы, наклонился к ее губам, увлекая в жаркий поцелуй.

– Конечно из-за тебя, из-за кого же еще, – засмеялась Женя, жарко целуя его.

– Ты готова, любимая? – спросил Этьен, которому выдержка давалась все труднее – он уже безумно хотел ощутить жар тела Жени своим естеством.

– Я уже давно готова... – выдохнула Женя. – Давай же, любимый, не медли... – попросила она, постанывая.

Ещё один поцелуй отделил их от желанного мига единения. Этьен приподнялся и, смазав себя, стал входить в Женю, не сдержав протяжный стон.

Женя справилась с неприятными ощущениями, граничащими с болью и замерла, наслаждаясь тем, как глубоко в ней Этьен, такой большой и горячий. И шептала ему об этом, не стыдясь.

– Ох... любимая моя... как хорошо... как хорошо быть с тобой одним целым, – вторил ей Этьен, не спеша пока двигаться – даже он пока ощущал небольшой дискомфорт от тесноты.

– Да... даа... не представляешь, как хорошо... – выдохнула Женя, забывая обо всем на свете и поскуливая все громче.

Не отреагировать на это было невозможно, и Этьен понемногу начал двигаться, стараясь заглушить собственные стоны, вжавшись в плечо Жени. Женя обвила его поясницу ногами, прижалась ближе и застонала в унисон со своим любимым, не переставая его целовать куда придется и гладить по волосам.

Поначалу плавный и неспешный, постепенно темп стал нарастать вместе с громкостью стонов, но лавина ощущений была столь сильна, что Этьен уже не думал об этом.

Через пару мгновений они уже страстно и несдержанно занимались любовью, так что кровать тихонько поскрипывала, а они забывали о том, что надо быть потише. В мире никого больше не существовало.

К счастью, единственным соседом Жени был Миша, который, когда звуки из-за стенки стали громче, накрыл голову парой подушек, которые обеспечили ему спокойный сон.

Долго Женя продержаться не смогла, очень скоро сжалась, вскрикнула и застонала в шею Этьена, кончив. Да и Этьен отстал от нее ненадолго – толкнулся поглубже и кончил, гася стон укусом в плечо, так что даже вкус крови на губах ощутил.

Женя боль эту не ощутила, прижала его к себе, глядя по волосам и тяжело дыша, абсолютно счастливая и довольная произошедшим.

– Любовь моя. Как хорошо...

– Бесконечно хорошо. Мы вместе, а остальное вообще не важно, – прошептал Этьен, зализывая свой укус. Он ещё не покинул тело Жени, и они чувствовали друг друга.

– Жалко только, на дольше не хватило, – хрипло ответила Женя, вздохнув. – Я бы до утра хотела...

– По-моему совершенно ничто не мешает нам повторить, – Этьен хрипло рассмеялся в ее шею, поглаживая возлюбленную по бедру. – Хоть до утра.

– Пока мне нужно немного времени, чтобы прийти в себя, – рассмеялась Женя. – И я буду готова к следующему раунду.

– У нас впереди целая ночь и жизнь вместе, – Этьен приподнялся, целуя Женю, и немного сполз на кровать рядом с ней, чтобы все-таки не душить ее своим весом.

– После того, как я тебя однажды уже потеряла, мне всегда будет мало, – ответила Женя, прижимаясь к нему сбоку и глядя его по груди.

– Мне тоже, – признался Этьен, любуясь ее лицом в неясном свете свечей, которые уже догорали, но из-за снега за окном было достаточно светло.

– Все-таки для счастья нужно не так много. Только любимый рядом, – улыбнулась Женя.

Они повалялись ещё немного, вначале лениво ласкаясь, потом целуясь и от ласк возбуждаясь все сильнее. Очень скоро у Жени снова пульсировало между ног, а сама она только и

делала, что сладко стонала, не зная, что и выбрать для следующей ласки – поцелуи или что-то еще.

– Хочу тебя, – прошептала она на ухо Этьену, кусая за мочку.

– Хочешь попробовать по-другому? – предложил Этьен, вспомнив, что эксперименты они отложили до мирного времени, и тогда это казалось несбыточным.

– Как именно? – спросила Женя, вздернув брови и глядя его по волосам.

– Мы можем ласкать друг друга ртами, – сказал Этьен и, повернув голову, поцеловал руку.

– Я боюсь сделать тебе больно по неопытности, – прошептала Женя, целуя его.

– Не переживай. Ты поймешь, что нужно делать, а я подскажу, если что, – пообещал Этьен.

Женя смущенно кивнула и перевернулась, устроившись как раз напротив бедер Этьена.

– Я постараюсь, чтобы тебе понравилось, – пообещала она, и тут же, недолго думая, лизнула его член.

– Я в этом даже не сомневаюсь, но мне бы хотелось, чтобы удовольствие мы испытали вместе, – ответил Этьен, охнув от этой ласки, и обнял ее бедра, придвигаясь ближе.

– Тогда не медли, – поторопила его Женя и стала для начала вылизывать промежность своего возлюбленного.

– Ох, Женя... – это было неожиданно, и Этьена аж выгнуло на кровати, и он с трудом удержался, чтобы не сдвинуть ноги.

Женя придержала его бедра и продолжила свою пытку, наслаждаясь реакцией возлюбленного.

– Женя... пожалуйста! – застонал Этьен, вздрагивая всем телом. – Я так не выдержу долго.

Женя принаравливалась, помогая себе руками и полностью погружаясь в непривычный, но захватывающий процесс. Ей казалось, что вся власть сосредоточена в ее руках, и она могла делать с Этьеном все, что захочет. Но пока ей хотелось просто сделать ему приятно.

– Ты жив? – спросила она, нежно целуя его в бедро, чтобы отвлечь. Этьен все это время стонал и не находил в себе сил присоединиться к процессу.

– Господи, да! Но кажется, не совсем, – простонал Этьен, которого уже по-настоящему потряхивало от возбуждения, и опомнившись, он все же прижался губами к лону Жени

Переведя дыхание, Женя придержала его член рукой и застонала, ощутив горячий и влажный язык, ласкающий ее клитор.

– Ох, Этьен, как хорошо... – простонала она, зажмурившись. Немного выждав и дав Этьену освоиться, Женя осторожно взяла его член в рот и стала двигать головой, отыскивая оптимальный для них обоих ритм и темп.

Пока Этьен никак не пытался регулировать процесс, он привыкал к ощущениям, но был не в силах постичь их – все было слишком непривычно и хорошо. Пока он только постанывал, и эти стоны вибрацией отдавались в теле Жени. Это было странно – они словно были одним целым, доставляя удовольствие и друг другу и самим себе.

Жене было тяжело сосредоточиться, она сжимала губы и стонала, чтобы не сорваться, не начать толкаться бедрами навстречу жадному рту любимого. И при этом не забывала ласкать член Этьена, помогая себе рукой, там, где не могла взять глубже.

– О господи, Женя! – взмолился Этьен, ощутив, как усилилась ласка, и на миг оторвался от ее бедер. Умом он толком не понимал, чего хочет, но тело подсказывало, что при быстром темпе будет ещё лучше. Женя отдышалась и стала двигаться быстрее, постанывая и покачивая бедрами, давая понять, что еще немного нужно и ей.

Очень скоро движения стали совсем быстрыми и рваными, Женя почти не выпускала изо рта член Этьена, позволяя ему толкаться сильнее и глубже, наконец-то найдя принаровившись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.